

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

ВЫСТРЕЛ, КОТОРЫЙ
СНЕС КРЫШУ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Выстрел, который снес крышу / Владимир
Колычев. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-108230-7

Клоун с воздушными шариками расстреливает бизнесмена Горуханова. И все это происходит на глазах бывшего военного следователя Павла Торопова, компаньона Горуханова. Павел кидается в погоню за киллером, но тот благополучно исчезает на территории психиатрической лечебницы. С величайшего позволения главврача Эльвиры Павел начинает «проческу» всех палат и кабинетов больницы. Но вскоре у бывшего следователя «сносит крышу». Ему начинает казаться, что убийство — плод его болезненного воображения, а он сам уже три года является пациентом психушки и все это время равнодушен к роковому обаянию Эльвиры. В этой ситуации Торопову остается действовать как и подобает настоящему психу — бежать в поисках правды на волю...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В. Г., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108230-7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Молоточек влево-вправо, молоточек вверх-вниз, слева направо, круговое движение, диагональное. Он даже волос не коснулся, но застучало в висках, зарябило в глазах и закружилась голова.

— Неважно, неважно, — обеспокоенно и с упрямком заключила женщина-врач, опуская свой молоточек.

— Не фонтан, если честно, — признался Павел Торопов и закрыл глаза, чтобы унять головокружение.

На вид ему было тридцать лет. Молодой мужчина с высоким лбом и ранними залысинами; широкие скулы, узкий с горбинкой нос, глаза светло-карие, чуть асимметричные, глубоко посаженные. Взгляд грустный, на тонких губах — ироничная улыбка. Роста он был выше среднего, сухопарый, жилистый, одним словом, прочного телосложения, поэтому могло показаться удивительным то, что на ногах он держался, мягко говоря, неуверенно.

— Сотрясение мозга у вас. Легкой или даже средней тяжести. Думаю, вас нужно направить на обследование в обычную поликлинику..

— А у вас необычная поликлиника? — улыбнулся Торопов.

— Я смотрю, вы мужчина с юмором, — строго, но с капелькой кокетства во взгляде заметила женщина.

— Работа у нас такая, без юмора никак.

— Да, работа у вас такая...

Врач вернулась за свой рабочий стол, взяла служебное удостоверение и с каким-то непонятным сожалением прочитала:

— Торопов Павел Евгеньевич, майор милиции, старший оперативный уполномоченный уголовного розыска... Назовите мне номер своего служебного телефона, и я позвоню вашему начальству, скажу, чтобы вас забрали.

— Вы мне лучше мой сотовый телефон верните. Я сам позвоню.

— Телефон мы, конечно, вернем, но позвонить по нему вы не сможете. Нулевой уровень сотового сигнала. Как вы сами понимаете, Павел Евгеньевич, медучреждение у нас необычное, поэтому и место выбрано соответствующее, вне зоны покрытия...

И снова женские губы тронула кокетливая улыбка. И в глазах на несколько мгновений зажглись лукавые искорки.

Эльвире Тимофеевне было слегка за сорок, но для своего возраста она выглядела замечательно.

— Шутить изволите? — Торопов правильно понял ее настроение. — Ваше учреждение когда строилось? Лет пятьдесят назад? А сотовая связь когда в нашу жизнь вошла?

— Думаю, у вас легкая степень сотрясения, — с мягкой иронией проговорила она. — Голова соображает, значит, беспокоиться не о чем.

— Тогда бы я хотел продолжить работу.

— Ваше право... Но...

В свои годы Эльвира Тимофеевна умудрилась сохранить былую красоту, но все же в молодости она была ярче и краше, чем сейчас. Наверняка мужчины вились вокруг нее как мухи. И дрались из-за нее, и сходили с ума...

Торопову она чем-то напоминала его жену. Черты и даже овалы лица разные, несхожие, но у них был общий типаж красоты. Пышные темно-русые волосы, высокие надбровья, яркие светло-серые глаза, сочные чувственные губы, обе высокие, сухопарые. И одинаково обаятельные. Будь Эльвира Тимофеевна помоложе, Торопов мог бы и влюбиться в нее.

Восемь лет назад его Маше было двадцать четыре. И сейчас ей столько же. И через годы ничего не изменится. Быть ей вечно молодой в его памяти... А Эльвира Тимофеевна будет и дальше стареть. Потому что она жива и умирать не собирается. Да и не за что ее убивать. Ну, смотрит она сейчас на Торопова как на своего пациента, и что? Ведь он и сам когда-то проходил обследование в психиатрическом диспансере закрытого типа.

А Машу он убил. Восемь лет назад. Вместе с ее любовником. Ее застрелил из одного ствола охотничьего ружья, его — из другого. Она умерла сразу, а он — уже в больнице, на операционном столе...

— Что «но»? — Торопов настороженно посмотрел на врача.

Не нравился ему ее взгляд. Очень бы не хотелось ему казаться психопатом в глазах этой симпатичной женщины, но...

— Вы же взрослый человек, Павел Евгеньевич. И вы прекрасно знаете, где находитесь. И утверждаете...

ете, что какой-то клоун перелез через забор и скрылся на территории нашего учреждения...

— Причем этот клоун убил человека.

— Вот видите, вы и сами осознаете абсурдность вашего утверждения.

— Осознаю... — кивнул Торопов. — Но клоун был. Рыжие волосы, зеленый лоб, синие щеки, красный нос. И костюм на нем желто-зеленый... Я за ним гнался, он убегал от меня. Он так ловко перелез через забор, как будто проделывал это сотню раз. Я полез за ним, но он уже не убегал. Он ждал меня... Даже не знаю, чем он меня ударил.

Торопов огладил рукой шишку на затылке. Проклятый клоун...

— А может, это был его сообщник? — предположил он.

— Сообщник? — странным взглядом посмотрела на него Эльвира Тимофеевна.

— Ну да, — неуверенно сказал Торопов.

— На территории психиатрического диспансера?

— Э-э, ну, я не утверждаю...

— Да. Но вы утверждаете, что клоун убил человека.

— Да, убил, это верно. Я своими глазами видел, как он убил человека. Застрелил из пистолета... И у него был как минимум один сообщник.

— На территории нашего диспансера?

— Нет, на месте преступления. Жертва выходила из машины, из «шестьдесят пятого» «Мерседеса», она направлялась в клуб, на деловую встречу, и в это время прозвучал взрыв...

— Значит, это была женщина?

— Кто женщина?

— Человек, которого убил клоун. Вернее, взорвал. Хотя вы утверждаете, что он ее убил...

— Не ее убил, а его...

От излишка эмоций Торопов мотнул головой, что вызвало у него боль и тошноту. Но это вовсе не повод, чтобы сдаваться.

— Мужчина это был.

— Но вы называете ее жертвой.

— Не ее, а его...

Торопов пальцами сжал виски. И с болью так легче совладать, и голову от встряски нужно удерживать, ведь эмоции не улеглись, скорее наоборот.

— Мужчина это был, — повторил он. — А жертва, потому что его убили...

— Тогда кто принес его в жертву? — спросила врач, даже не пытаясь осознать несуразность своего вопроса.

Да и зачем ей это? Ведь она хотела усмотреть в поведении оппонента несуразность. И судя по всему, ей это удавалось.

— Кого в жертву?

— Мужчину, о котором вы говорите.

— Никто не приносил его в жертву. Его просто убили.

— Взорвали?

— Нет. Застрелили.

— Но вы же сами сказали, что его взорвали.

— Я не говорил, что его взорвали. Я сказал, что прозвучал взрыв. Это был своего рода отвлекающий маневр. Это была обычная ракета, из фейерверка, она взлетела в воздух, взорвалась, и это отвлекло охрану и саму жертву. А в это время с другой стороны к ней подошел клоун, с шариками... Много шариков

было. Красные, зеленые, желтые. И они были прикреплены к его пистолету...

— Шарики? К пистолету?!

— Нет, пистолет находился в кулаке. Большой такой надувной кулак размером с мою голову, даже больше. Он когда выстрелил, этот кулак сдулся. А потом и вовсе улетел. Вместе с шариками. И пистолет улетел...

— На шариках? — Эльвира Тимофеевна сдерживала себя, чтобы не засмеяться.

А сдерживать себя она умела, ведь она — профессиональный психиатр, и работа с душевнобольными — ее хлеб.

— А что здесь смешного? Шарики с газом, их подъемной силы достаточно для того, чтобы поднять в воздух предмет весом в один килограмм...

— Как же ваш клоун целился, если шарики тянули пистолет вверх?

— Он целился с учетом этого вектора силы. Я не думаю, что прицелиться было сложно. Возможно, он тренировался до этого... И между прочим, очень удобно. Выстрелил — и тут же избавился от пистолета. А шарики поднялись высоко в небо...

— Вы видели, как высоко поднялись шарики в небо?

— Да, видел.

— Так вы за шариками следили или за клоуном?

— За шариками следил, а за клоуном бежал... Он очень быстро бежал.

— Не удивительно. В цирке с плохой физической подготовкой делать нечего.

— Логично. Только я не думаю, что этот клоун из цирка. Да и не клоун он был, а киллер. Высоко-

классный киллер. А клоунский наряд — это маскировка...

— Допустим. Но почему он бежал к нашей больнице?

— Вот это я и хочу выяснить.

— И через забор, вы говорите, он перелез очень ловко, — вспомнила женщина.

— Да, как будто много раз это делал.

— То есть вы хотите сказать, что наша больница — прибежище для киллеров? — заключила Эльвира Тимофеевна.

— Я бы не сказал...

— Значит, прибежище для клоунов?

— Нет. Ваша больница — филиал уголовного розыска, — натянуто улыбнулся Торопов.

Нужно было как-то выкручиваться из той, мягко говоря, неловкой ситуации, в которую он попал. Клоун, воздушные шарик, пистолет в надувном кулаке... Не самая удобная тема для разговора с психиатром.

— Такое ощущение, что не я веду следствие, а вы.

— Скажите, а вам никогда не приходилось иметь дело с душевнобольными людьми? — сощурившись, деловито спросила женщина.

— Этого добра везде хватает, что у нас, что у вас... Помню, приходил к нам один товарищ, уверял, что пытался, но так и не смог убить свою тещу. Отрубил, говорит, голову топором, а у нее новая вырастает. Отрубил эту, новая отрастет... Угадайте, куда мы его отправили?

— К нам вы его отправили. Но прежде чем сделать это, вы его допросили. А потом с ним в таком же ключе разговаривали и у нас. Логично?

— Я понимаю, к чему вы клоните. Понял это с самого начала...

— Неприятное это ощущение, когда вас держат за душевнобольного человека?

Эльвира Тимофеевна мило улыбнулась, но взгляд остался холодным и незыблемым, как обледенелая скала.

— Да, но зато приятно иметь дело с человеком, который вызывает такое ощущение, — нашелся Торопов.

Он должен был склонить эту зрелую красавицу на свою сторону. Ему нужно найти убийцу своего шефа, и он должен остаться на территории этой психиатрической лечебницы. Но в статусе гостя, пусть и не самого почетного.

— Особенно если это красивая женщина...

— Если это комплимент, то спасибо, — нехотя отозвалась Эльвира Тимофеевна.

Она поблагодарила его так, как будто он действительно был ее пациентом, причем тронутым на почве сексуальных страданий.

— Но ведь это всего лишь ощущение. А на самом деле я точно знаю, что киллер перелез через забор вашего заведения. Возможно, он до сих пор находится здесь...

— И чем я могу вам помочь?

— Во-первых, я должен связаться с начальством. Во-вторых, я бы хотел остаться здесь, чтобы разобраться с ситуацией, так сказать, на месте...

— Вы так уверены, что ваше начальство согласится с вашим решением?

— В городе произошло заказное убийство, и я единственный, кто пытался преследовать киллера,

кто взял его след. И кому, как не мне, заниматься расследованием...

Торопов осекся, споткнувшись о жесткий, как мрамор, взгляд Эльвиры Тимофеевны. Она стояла возле своего стола, холодно смотрела на него и рукой показывала на телефон. Она ясно давала понять, что на какое-то время он мог стать хозяином ее кабинета. А когда Павел Торопов снял с рычага трубку, женщина так же молча вышла в коридор.

2

Пышные кусты шиповника с шорохом качались на ветру, создавая эффект надвигающейся на берег морской волны. Торопов не боялся утонуть в них, но все-таки воспринимал их с опаской. Вчера, преследуя киллера, он опрометчиво нырнул в шиповник, колючая ветка больно хлестнула его по щеке. А если бы в глаз?..

Сейчас, продвигаясь по тропинке, он аккуратно раздвигал ветки, а еще внимательно смотрел под ноги. В нескольких десятках метров от забора шумела шоссе́нная дорога, может, какой-то водитель совсем недавно побывал под этими кустами. Но все чисто, и можно не опасаться за санитаря, с отрешенно-пренебрежительным видом шедшего позади. Вид у этого щекастого здоровяка был настолько глупым, что Павлу казалось, будто в медперсонал диспансера его взяли из числа бывших пациентов. Бывают же тихопомешанные олигофрены, не представляющие особой опасности для общества. Так это или нет, но Торопов почувствовал вдруг обязанность заботиться об этом парне. А может, Эльвира Тимофеевна внушила ему это чувство, когда навязывала сопровожде-

ние? Ведь он был благодарен ей за то, что ему позволили вести расследование.

Еще он обследовал ветки кустарника, нашел одну сломанную, другую, и обе на уровне лица. Первая ветка могла ударить по лицу его, вторая — киллера. Если так, то их можно взять на анализ, ведь на них остались микрочастицы кожного покрова преступника. Еще есть анализ ДНК, но это сложно, а в его положении и вовсе невыполнимо.

Но вместе с мыслью об анализе у Торопова возникло предположение, что на лице киллера могла быть такая же отметина от ветки, как и у него — бледно-розовая полоса через всю левую щеку.

Павел подошел к высокому забору из бетонных плит, плотно сомкнутых между собой. В том месте, где киллер преодолел преграду, в плитах имелись как будто специально сделанные выбоины, достаточно широкие для того, чтобы с ходу и с прыжка попасть в них ногой. Попасть, зацепиться, перенести вес тела на руки, чтобы затем схватиться за верхний срез плиты. Именно так вчера и поступил киллер, уходя от погони. И Торопов повторил его путь; правда, ему пришлось сдать назад, разогнаться... Взять это препятствие он смог только с третьей попытки. Еще вчера, переваливаясь через преграду, он успел заметить, что по верху забора натянута колючая проволока, и только в этом месте она отсутствовала. Вне всякого сомнения, ее срезали те, кто пользовался этой лазейкой. И если киллеру известен этот путь, значит, диспансер для него — дом родной или что-то вроде того. Может, он работает здесь, а возможно, лечится, симулируя душевное расстройство. А возможно, он и настоящий псих, помешанный на убий-

ствах. Но где он тогда взял пистолет? И кто запустил в небо ракету?..

— А у вас здесь кто лечится? — спросил Торопов у санитара.

— Кто лечится?! — с инфантильным каким-то удивлением посмотрел на него парень. — Люди лечатся.

— Понятно, что не звери. Обычные люди или, может, под следствием которые? Ну, на обследовании там.

— А Эльвира ничего не сказала?

Голос у санитара тонкий, высокий, как у евнуха, что резко контрастировало с его крупным телосложением. Но, может, он потому и подался на работу в психиатрическую больницу, что комплексовал из-за этого недостатка. А так, среди ненормальных, он выглядел чуть ли не совершенством, чем и тешил свое самолюбие.

— Да как-то не дошли до этого, — пожал плечами Торопов.

— Ну, и я тогда ничего не буду говорить.

— Эльвиру боишься?

Павел поднял с земли пустую и поблекшую от непогоды пачку «Явы», потянулся к сломанной пыльной расческе. Вряд ли эти предметы обронил киллер: слишком долго пролежали они на земле, но все равно надо бы все собрать, спрятать куда-нибудь, чтобы не исчезло.

— Почему боюсь? Просто полицаев не люблю. И разговаривать с тобой не хочу.

— А чего ж ты нас так не любишь? Натворил что-то? — с едкой усмешкой глянул на санитара Торопов.

— Чего это натворил? — напыжился парень.